

Ирина Курбатова

ЗАРИСОВКИ

Книга вторая

Серия "Поэтические граффити"

18+

Ирина Курбатова

**Зарисовки. Серия "Поэтические
граффити". Книга вторая.**

«Автор»

2026

Курбатова И.

Зарисовки. Серия "Поэтические граффити". Книга вторая. /
И. Курбатова — «Автор», 2026

Поэзию каждый воспринимает по-своему, для кого-то она затейливое переплетение слов, для кого-то музыка под настроение, а для меня полотно, на котором отражается восприятие мира, проще говоря, образы. Они очень разные, иногда выписаны подробно, а иногда слегка обозначены мазками, именно поэтому серия моих книг называется «Поэтические граффити». Сборник «Зарисовки» — это взгляд человека, который прожил достаточное количество лет и получил непростой жизненный опыт. Герой уже не романтик, но еще и не законченный циник. Он смотрит на жизнь весьма трезво и как бы со стороны, никого не осуждает, не дает советов, все принимает, как есть, но иногда пытается докопаться до сути, и понять, а почему же все вышло именно так?

© Курбатова И., 2026

© Автор, 2026

Ирина Курбатова Зарисовки. Серия "Поэтические граффити". Книга вторая.

Фонари, как гирлянды блуждают по городу,
И целуют уставшие листья асфальт,
Говорят, жить на свете теперь стало дорого,
Говорят, что дешевле теперь умирать.

Фунты, евро, рубли, их эффект замечателен,
Но, что делать, приятель, я влюбилась в бомжа,
В нашей сложной стране он весьма состоятелен,
Потому как не держит темных пятен душа.

В переулках кривых пахнет болью и плесенью,
Я хочу умереть под столичным дождем,
А еще я хочу, чтобы табличку повесили
На том месте, где врезался край земли в горизонт.

Две десятки на всех и ни в чем не отказывай
Своей грешной утробе и больной голове,
В экстремале всегда вспоминается разное,
Вперемешку с желанием полежать на траве.

Государство к поэтам весьма невнимательно,
Только мертвых умеет государство ценить,
И по этому поводу выпьем мы обязательно,
И, возможно, удастся еще закусить.

По «Газетному» вниз и направо,
Серой лентой московского дня,
Я себя развлекаю упрямо,
Но мешает реклама белья.

Я считаю глаза магазинов,
Сколько их до «Никитских ворот»?
Потребительскую корзину
Заполняет усердный народ.

Ветер скрылся в сырых подворотнях,
Сопоставив все «да» и все «нет»,
Ничего нет на свете короче,
Чем вояж на вчерашний билет.

Хрустнула ветка, скрипнула рама,
Мокнет беседка. Дачная драма.
У поворота на электричку
Ветер–проказник треплет табличку,
Ржавью по–мокрому видится четко:
«Столб № 20. Место отсчета».
Быстро темнеет, когда непогода,
Сторож Михеев вышел с обходом,
Грустно вздыхает, кряхтит деловито,
Спину согнуло радикулитом,
Пусто в поселке. Поздний октябрь,
Вздригнула елка. Ворон прокаркал.
В воздухе горечь летних романов,
Сколько надежд, столько обманов.

Королева Помойки и король Барахолок
Повстречались однажды на глухом пустыре,
Их ночное свиданье длились недолго,
И закончилось ссорой на рассветной заре.

Мокрый снег налипал на скелет тротуара,
Бороздя и пиная охмуревший асфальт,
Да, возможно, они были славною парой,
Только каждый пытался на другого напасть.

Каждый думал наивно, что хитер он и ловок,
Что в дальнейшем удачнее подвернется партнер,
Королева Помойки и король Барахолок
Потушили еще не зажженный костер.

А когда наступила пора котировок
Ставок прожитых долго и несправедно лет,
Королева Помойки и король Барахолок
Получили в награду проигравший билет.

Размышления в непогоду.

Был хмурый день, и с неба капало,
Ругались лихо воробьи и голуби,
Белье на чьем–то балконе плакало,
И хлопало по ветру комариным пологом.
Лбы у домов были влажными до шершавости,
И разом все морщины обнаруживали,
И пахло всеми Казанскими вокзалами,
Утюжив совесть за беспочвенность ненужности,
Лужи были похожи на ржавые омуты,
Пузырчатой тканью покрытые поверху,

Собаки встречные, явно бездомные,
Казалось мне, ждали, ударит кто еще?
Как сеть паутины накрыло город мой
Проклятье погодыно в тусклой ярости,
Как будто у Господа вечный запой,
Иль вовсе с ума он сошел по старости.

Ты заласкан почти до предела
И капризен, как оперный бас,
Жизнь весною свести нас хотела,
Только вышло всего лишь на час.

Мы играли какую-то пьесу,
Имитируют интерес,
И при этом, являлось прогрессом,
Пониманье, что каждый балбес.

Ты капризничал, я огрызалась,
Как глупа была каждого роль,
Но в процессе не выявлялось
Кто же в фарсе есть главный герой.

Ничего не имело значенья,
Нашей целью стала игра,
В ритуальном костре погребенья,
Наши чувства сгорели дотла.

Его собаку звали Лиз,
Как бывшую жену, когда-то,
Ее бесцельный глупый визг
Напоминал о невозвратном,
Когда проснувшись по утрам,
Он чуял ненависть затылком,
И, чтобы не впадать в хандру,
Хватался тут же за бутылку,
А дальше было все равно
На том он свете или этом,
Рациональное зерно,
Возможно, было рядом где-то.
Он вел себя, как господин,
Весь мир считался виноватым,
И за отсутствие причин,
И за конвульсии простаты.
Финал банален и смешон,
С претензией на гениальность,
Знакомством с множеством персон
Он симулирует реальность.

Перекинемся в карты с судьбой,
Ставка жизнь, расплачусь по прибытии
В гавань тихую, в вечный покой,
Где есть грешники и небожители.

Крести, бубны, червовый валет,
Дам пик, роковая красавица,
Никому неизвестен ответ,
И вопрос никому не нравится.

Нет удачи, масть не идет,
И шестерки шальные замучили,
На последнее ставит народ,
Без надежды от случая к случаю.

И какой будет завтра расклад
Никогда не известно заранее,
Каждый в тайне этому рад,
Но ругает свое незнание.

Не плюйте в душу, господа, не плюйте в душу,
Так экологию ее легко нарушить,
А вместе с ней на много дней исчезнет тайна,
И станет скучно и темно чрезвычайно.

Не бейте стекла, господа, не бейте стекла,
И так от ненависти мы насквозь промокли,
А на зловредных сквозняках, что дуют в спину,
Легко и просто подхватить себе ангину.

Не режьте вены, господа, не режьте вены,
Нигде банальней и пошлей, нет этой сцены,
К тому же скопищу глупцов обезображенных,
Подобной жертвой ничего вы не докажете.

Сколько боли, столько людей,
Ветром северным небо расписано,
Калиброванный градус страстей
Повышается независимо
От количества тихой беды,
Или яростно громкой радости,
Светлой памяти тех, чьи следы
Не оставили мнимой святости.
Откидное место, как трон,
Что когда-то давно мерещился,

Из партера на верхний балкон
Рокированы. Трещина...
Пас. Вистую! Шестерка трэф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.